

МАЛЯВИН

С Владимиром Вячеславовичем Малявиным мы были знакомы в далёких 80-х годах. Ну, как знакомы? Встречались раза три, и всё.

Тогда среди людей, хоть как-то ориентированных не только на Запад, произвела фурор его книжка «Чжуан-цзы» в академической серии «Писатели и учёные Востока». А может быть, это было раньше, потому что его же книжка «Жуань Цзи» 1978 года в той же академической серии у меня есть с его дарственной надписью, а на «Чжуан-цзы» 1985 года никакой надписи нет. Хотя это может быть потому, что «Чжуан-цзы» я прочитал в январе 1986 года, а «Жуань Цзи» позже — в мае того же года. Хотя это вряд ли имеет значение, потому что дарственная надпись на «Жуань Цзи» помечена 11 сентября 1987 года.

И вот я отправился в Политехнический музей, где Малявин читал лекцию о китайской культуре. Мне запомнились его слова о китайской живописи: вроде того, что она отличается тем, что не бывает неприятных китайских картин. А ведь и правда, что не бывает, тогда как на Западе многие живописные полотна, в том числе и шедевры, производят иногда весьма неприятное впечатление: не художник, не история создания, не техника живописи, не композиция картины, а то, что на картине изображено. Хотя бывают неприятные абстрактные картины, что наводит на мысль, что дело, может быть, не только или не столько в том, что изображено, потому что тут нет этого фигуратива, которое «что».

В конце лекции Малявину задали провокационный вопрос: Вот вы рассказывали о китайской культуре, какая она возвышенная, тонкая, глубокая и т.п., а как же тогда во время событий на Даманском (1969 г.) китайцы выходили на берег, снимали штаны и показывали нам голые задницы? Как это сочетается с высокой культурой? На что Малявин ответил глубокомысленно: Это из-за высокого уровня амбиций.

После лекции я подошёл к Малявину и представился. Мы немного поговорили, уже на улице по дороге к метро. Потом я дал ему почитать мои тогдашние «китайские» стихи. Почему-то мне тогда хотелось, чтобы мои стихи оценили не поэты и литературные критики, а именно китаеведы. Ну, какие у меня тогда были стихи? Так себе и немного. Хотя некоторые мне и сегодня нравятся. Тут я немного путаюсь в датах, потому что одно стихотворение, которое ему понравилось, датировано 1989 годом. Но это ещё надо быть уверенным, что датировка верная, а я не уверен. Вот это стихотворение:

Сухого тростника шелестят бумажные деньги.
Сквозь пепел травы пробился жёлтый цветок.
В клювах открывшихся почек — белая жизнь.
Красноголовым дятлом сердце в груди стучит.

Ветер взметает пыль, тронул на тонких ветвях
ряды зеленых серёжек.
Они мне напомнили строки
древних стихотворений.

"В пути и в пути, и снова в пути и в пути"
в небе летят облака.
С каждой весной все ближе
перемены последней час.

Где окажусь я, когда времён уляжется пыль,
и древними станут строки мои,
где я буду тогда?

март 89

Стихотворение 89-го года, а дарственная надпись 1987 года, хотя, скорее всего, мне кажется, надпись была сделана после прочтения моих стихов. Но, может быть, он подписал мне книжку «Жуань Цзи» при первой встрече, наверное, я её тогда как раз читал и притащил на встречу.

При третьей встрече Малявин мои стихи, как он выразился, «ограниченно одобрил» и добавил, что, по его мнению, всё-таки подлинная поэзия рождается тогда, когда, образно говоря, человек оставляет за спиной «сожжённый дом». По этому поводу я написал стишок, помеченный 1988 годом.

"Когда сожженный дом
оставишь и уйдешь,
под проливным дождем
судьбу свою найдешь».

Ах, что мне толку в том! —
не жалко мне огня —
под проливным дождем
нет дома у меня.

сентябрь 1988

Моему другу переводчику Гу Юю понравился «критерий поэзии» Малявина, и он перевёл этот мой стишок на китайский в 2019 году. А тот, 89-го года, не переводил.

Ну, а сам перевод Малявина трактата «Чжуан-цзы» (《莊子》) я читал уже позже, когда интернет появился.

20241018, ночь с 17-го.